

Антон Кротков

Расхитители гробниц

Часть первая

Ученик расхитителя гробниц

Предстоящая встреча страшила и волновала Мада. После смерти родителей от чумы дядя стал самым близким мальчику человеком, вот только до сих пор Мад никогда не видел своего таинственного родственника. В их семье о дяде напрямую никогда не упоминали, только изредка в разговорах родителей всплывал какой-то человек по прозвищу «Хромой». О нём всегда говорили в отсутствии посторонних, да и то полушёпотом, словно боясь этим родством навлечь на всех обитателей дома гнев богов и земных властей. Этот то «Хромой» и оказался родным дядей Мада. Это выяснилось, когда все родные мальчика в течение нескольких недель вслед друг за другом ушли в мрачное царство Осириса, и кто-то из пожалевших сироту соседей тайно послал весточку на «территорию смерти» — на западный берег великого Нила, туда, где среди розовых скал уже много лет скрывался неуловимый государственный преступник...

* * *

Заметив на пустынном берегу одинокую фигуру, кормчий круто развернул тростниковую лодку и двое гребцов стремительно заработали вёслами, стараясь перебороть мощное течение. В нескольких метрах от берега Мад нетерпеливо прыгнул в жёлтые воды, худой человек на берегу, широко улыбаясь, захромал ему навстречу. Встретившись, они обнялись, словно всегда знали друг друга. Потом дядя щедро расплатился с лодочниками и повёл племянника в свою обитель, где уже был приготовлен скромный ужин по случаю его приезда. Пока они шли от берега, Мад исподволь с любопытством разглядывал своего таинственного родственника. Если бы не следы жестоких увечий на его теле, внешность этого человека можно было назвать самой обыкновенной: ростом он был невысок, худ, но жилист, помимо истерзанной ноги, у него был разорван правый бицепс, причём шрам в этом месте создавал зрительное ощущение, словно часть мышцы просто вырвала чья-то костистая, цепкая и чудовищно сильная рука.

* * *

— Я знаю, мальчик мой, твой отец мечтал

оплатить твоё обучение, и купить тебе должность государственного писца, чтобы однажды ты стал уважаемым человеком — с аппетитом пережёвывая кусок хорошо обжаренного мяса и запивая его пивом, с усмешкой на сальных губах рассуждал хозяин просторной пещеры, вход в которую был надёжно укрыт от постороннего взгляда. — Наверное, мой бедный брат даже ночами лепил свои горшки, а денежки складывал в копилку, чтобы однажды его мечта исполнилась, и сын простого гончара стал важным и чванливым чиновником. Тогда бы со временем и ты смог по наследству передать должность своему сыну, а тот своему — жизнь твоего рода стала бы такой же размеренной и благополучной, как судьба всей этой земли, благословенной великим Нилом, который каждый год в одно и то же время заливает весь Египет и дарит почве плодородие, а людям сытость. Но боги решили иначе, и отныне тебе уготовано не столь почётное ремесло, но уверяю тебя, что лет через пять, если нас к тому времени не поймают, ты сможешь накопить достаточно золота, чтобы купить своему сыну более почётную должность при дворе Хатшепсут, тем более что я слышал, что эта женщина-фараон, клеящая себе мужскую бороду во время важных церемоний, жалует умных людей из простолюдинов.

— Какому же ремеслу мне придётся у вас

обучаться? — глаза Мада горели искренним энтузиазмом, слова дяди о скором богатстве, изобилие всяческой вкусной еды на столе и в первую очередь мяса, которые в доме мальчика подавали лишь по большим праздникам, всё это чрезвычайно распалило его воображение.

— Скоро узнаешь, ближайшей ночью я проведу с тобой первый практический урок.

* * *

Дорогой «Хромой» подробно наставлял Мада, как и что ему следует делать: — Держись за моей спиной, не далее, чем в двух шагах, иначе первый урок станем для тебя и последним, и не в коем случае ни к чему не прикасайся без моего на то разрешения. Запоминай! Мы живы, пока мумия не догадывается, зачем мы пришли на самом деле. Чтобы её месть не настигла нас, в гробнице ты будешь называть меня вымышленным именем Несер, а я тебя — Дам. Молитвами и особыми заклинаниями мы внушаем мумии, что мы пришли, как полные благоговейного страха и уважения к ней посетители. А посетитель не должен осквернять гробницу ругательствами, скверными мыслями или как-нибудь иначе. Посетитель не должен наносить ущерб гробнице — дому священного мертвеца, чтобы не навлечь на себя гнев умершего.

Проникнув в сердце гробницы, мы задобрим мумию щедрыми дарами — едой и пивом. Рядом с саркофагом мы будем разговаривать с тобой только о том, что пришли выразить дань уважения священному покойнику. И смотри не проболтайся, что нас интересует на самом деле, иначе Хозяин обязательно оживёт и покарает нас! Мой прежний помощник перестал уважать хозяев гробниц и мумия забрала его. Поистине нет лучшей западни, чем гробница важного сановника! Простолюдины нам не страшны, так как их завёрнутых в циновки хоронят, сваливая в кучу на окраинах деревенских кладбищ. В дальнюю дорогу простой крестьянин может взять с собою нехитрый скарб, лепёшку, кувшин молока, да дощечку с текстом заупокойной молитвы. Другое тело богатый вельможа! В его роскошной усыпальнице всегда есть чем поживиться, но уж зато и глаза там надо держать широко раскрытыми, а уши наострёнными, чтобы злой дух Ка не растерзал тебя, едва, сорвав охранную печать, ты осмелишься проникнуть сквозь навечно замурованный вход в усыпальницу!

— А кто такой этот Ка? — дрогнувшим голосом спросил Мад. Но в этот момент совсем близко впереди послышались многочисленные мужские голоса и металлический звон. «Хромой» тут же ладонью закрыл мальчику рот и внушительно прошептал, поднеся указательный

палец другой руки к собственным губам: — Тсс!
Это охранный отряд...

В этот момент они находились на склоне высокого утёса. Вскоре на освящённой луной узкой дороге внизу, словно зажатой меж двух каменных холмов, появился отряд солдат человек в пятьдесят. Воины были вооружены луками, топорами и страшными серповидными мечами. Когда шум патруля затих вдаль, дядя Мада перевёл дух и вытер пот со лба: — Каждый раз с ужасом думаю о том, что будет, если однажды меня схватят. По-моему уж лучше дать растерзать себя мумии или одному из тех свирепых чудовищ, что населяют гробницы, чем подвергнуться казни через вечное проклятие. Не очень то хочется стать живой мумией...

* * *

Последнюю часть пути, несмотря на тяжёлую ношу, они проделали почти бегом. Вскоре Маду стала понятна причина такой спешки. Их ожидал очень важный на вид человек. Мальчик лишь однажды видел настоящего жреца, но сразу понял по одеянию мрачного старика, состоящему из длиннополой тоги, тяжеловесного золотого обруча на шее и перекинутой через плечо леопардовой шкуры, что тот относится к тем немногим

посвящённым, о которых в народе говорят, что они словом могут поворачивать вспять воды рек и оживлять восковые фигурки животных. Жрец был не один, в стороне с зажженными факелами стояли два его чернокожих раба. При появлении «Хромого» старик несколько раз зло ударил его палкой в наказание за опоздание, при этом дядя Мада не издал ни звука, только благодарно поцеловал сморщенную руку хозяина.

— Что это за мальчик с тобой?

— Это мой новый помощник, Уважаемый, прежнего забрала мумия, а без верного помощника мне нельзя — склонив спину и с собачьей преданностью заглядывая в лицо надменного вельможи, униженно пояснил «Хромой».

— Хорошо — милостиво кивнул старик. — Сейчас мы совершим обряд защиты, после чего я объясню тебе, как пройти в сердце гробницы великого носителя царской печати Бер Хапси. Он был хорошим человеком, и я искренне сожалею, что такой ничтожный и подлый человек как ты осмелиться осквернить его вечную мумию. Мад с удивлением слушал, как истинный организатор бессовестного грабежа называет его дядю подлым осквернителем могил, не понимая, что присутствует при начале сложного ритуала подготовки к проникновению во владения важной и опасной персоны. На этой стадии полагалось

всячески задабривать дух покойного, который вполне мог бродить поблизости от места захоронения своего тела. Поэтому «Хромой» стал клясться, что он вовсе не желает причинить вред уважаемому им мертвецу, а напротив, мечтает словно бог мудрости и магического знания **Тот** помочь душе **Ба** недавно скончавшегося хорошего человека, выпорхнувшей в виде птицы из его мёртвого тела, найти самую короткую дорогу на великий суд Анубиса, где на одной чаше весов будет взвешено сердце покойного, а на другой лёгкое пёрышко, и сделать всё возможное, чтобы суд разрешился в пользу данного уважаемого господина, и его имя отныне и навсегда было бы вписано в вечную книгу покоя и благодати. Далее жрец принялся топтаться и размахивать руками — заклинать самых разных опасных обитателей гробницы, включая змей и скорпионов, как бы в своём воображении проделывая весь путь от входа до погребальной камеры. После словесного «умиротворения» каждого из подземных чудовищ он навешивал на дядю Мада определённый амулет или вкладывал за его набедренную повязку специальные мешочки с охранительными снадобьями. Параллельно посохом старик чертил на земле подробный план гробницы с ловушками и ложными галереями:

— Через сорок шагов после входа берегись

колодца, оттуда человеку возврата нет; потом направо не ходи, там снова смерть; на следующие пятьдесят шагов наденешь на лицо повязку, смоченную специальным отваром, — стены там дышат ядом; перед тем, как сорвать печати с ворот смерти, разложи на земле навоз, чтобы выманить злых духов; вокруг себя вот этим жезлом из слоновой кости очерти защитный круг и сорок раз читай заклинание. Пока будешь читать, разворачивай мешочки со снадобьями, заключенная в них смесь из крови чёрной собаки, молока женщины, родившей мальчика, и 73 трав отпугнёт явившихся на запах навоза злых духов...

В заключение церемонии жрец написал на листе пергамента длинный список имён плохих богов, которые теоретически могли вмешаться в ход задуманного им дела, который тут же был сожжён, а пепел утоплен в предварительно заготовленном ведре с прескверно пахнущей многодневной мочой.

— Всё, иди! — старик несколько раз стукнул посохом по неприметному камню в груде многих таких же, беспорядочно устилающих склон высокой скалы. Такой выбор выглядел очень странным, так как «Хромой» ещё довольно далеко от этого места указал мальчику на небольшой храм, вырубленный прямо в скалах, как на место упокоения названного жрецом важного чиновника.

Но на самом деле, то, что для неискущённого деревенского подростка выглядело странностью, для знающих людей было обычным явлением. Дело в том, что уже несколько сотен лет фараонов и знатных людей перестали хоронить в открытых алчным взглядам грабителей гигантских пирамидах и помпезных дворцах-усыпальницах. Ведь даже великий хозяин Верхнего и Нижнего Египта — фараон, ведущий своё происхождения от самого бога солнца Ра, был вынужден отказаться от погребения в такой идеальной машине перемещения души к вечным северным звёздам, какой является большая пирамида, из опасения, что со временем его гробница будет ограблена, а забальзамированное тело осквернено. Именно поэтому уже пять веков мумии людей власти изощрённо прятали в глубоких скальных пещерах на приличном удалении от наземных погребальных храмов, предназначенных для поклонений и жертвоприношений. В стенах этих «ложных» гробниц даже делалась фальшивая дверь, якобы ведущая прямо в гробницу. Перед этой дверью потомки покойного и оставляли свои дары его вечной душе.

Между тем, чернокожие слуги жреца поспешили исполнить приказание своего хозяина. Они отвалить тяжёлый валун в сторону, раскопали находившийся под ним песок, и взгляду Мада

открылась массивная, гладко отполированная плита из черного камня, вся покрытая многочисленными надписями. Будучи грамотным, он без труда прочёл предупреждение о страшных проклятиях, которые гарантировались несчастным глупцам рискнувшим взломать сию печать. Перепуганный мальчик с удовольствием бросился бы бежать подальше отсюда, но бежать ему было некуда, и он с содроганием покорился собственной судьбе, чем бы она ему не грозила в самое ближайшее время. Тем временем люди жреца тяжёлыми молотами принялись крушить охранный камень. Расколоть плиту им удалось далеко не сразу. Камень прикрывал замурованный кирпичами вход, с которым чернокожие взломщики справились намного быстрее. Наконец, все препятствия были преодолены, но лезть в тёмную нишу входа, кажется, не хотелось даже много чего повидавшего на своём веку «Хромому». Оттуда доносился невыносимый смрад разлагающейся плоти и пронизывающее до костей ощущение притаившейся опасности. Чтобы немного отвлечься от тяжёлых мыслей дядя с напряжённой улыбкой на лице принялся пояснять племяннику, что их ждёт сразу за входом, тем более что жрец не выдержав «аромата» поспешил отойти на значительное расстояние от них.

— Обычное дело, прежде чем замуровать

гробницу важные люди приказывают умертвлять у входа множество рабов, причём самыми зверскими способами. И дело здесь не только в том, что те знали тайны входов и ловушек, которые сами строили. Нет. Причина в другом: их духи — Ка, полные ненависти, муки и отчаяния, собираются в подземном склепе, и горе тому, кто пытается проникнуть в гробницу, не прочитав специальных заклинаний и без особых защитных амулетов! Неудержимое слепое Ка — сгущенная ненависть — обязательно расправится с ним. Да! Ты ведь уже спрашивал меня о Ка? Так вот. Мой мальчик, когда хоронят важного сановника в саркофаге внутри его мумии остаётся Ка — часть жизненной энергии этого человека, часть его души. Ка — как две капли воды похож на хозяина, но обладает опасным нравом. Ка — сила могущественнейшая, стоит его потревожить и оно покидает мертвое тело; тогда сразу ослепнув, становится неуправляемым и очень опасным орудием слепой мести. Горе тому, кто навлѣк на себя гнев Ка и не знает, как его успокоить, умилоствить. И чем выше был при жизни сан и власть человека, тем большую разрушительную силу имеет его Ка. Но нам действительно пора, а то уже рассветает...

Внутри пещеры Мад старался не смотреть на постоянно попадающиеся им останки людей. Откуда-то сверху в глаза мальчику постоянно

сыпался слепящий песок, а над головой то и дело, заставляя сердце обмирать от ужаса, оглушительно хлопая крыльями (так ему казалось), пронеслись какие-то твари. «Хромой» же продолжал подбадривать племянника, а главное себя разговорами о том, как им обоим повезло, что за ними стоит такой всесильный покровитель:

— Только один из великих жрецов бога Амона имеет такую власть, чтобы защитить нас от любого врага в этом подземелье. Ты не бойся, сейчас Уважаемый не просто ожидает нашего возвращения снаружи, мысленно он видит нас и готов в любой момент прикрыть невидимым щитом. Кто мы с тобой? Всего лишь жалкие орудия в его руках. Великий жрец несколько дней готовился: избегал менструирующих женщин, а также всех, кто считается осквернёнными, например, профессиональных бальзамировщиков; держал пост и читал молитвы. Сейчас он находится в состоянии ритуальной чистоты и легко может одолеть любое зло, призвав на помощь своего великого бога. Я знаю, — в его особой сумке приготовлены тайные папирусы из царской библиотеки, в них содержатся заклинания против самых опасных напастей.

За разговором они прошли узкой галереей положенные сорок шагов. И если бы не предупреждение жреца, то Мад никогда бы не

заметил гибельную нишу бездонного колодца, притаившуюся на их пути. Быстро преодолев с помощью предусмотрительно захваченных с собой верёвок и досок эту преграду, дядя с племянником обмотали лица тряпками, пропитанными каким-то отваром, и продолжили свой путь по каменной галерее. Черные стены, мерцающий блик впереди от факела дяди, в неверном его освещении каждый камень, ниша или угол впереди казались Маду замершим силуэтом поджидающего их лютого монстра. Однажды споткнувшись, мальчик потерял из виду своего свернувшего за угол проводника, а когда увидел вновь, то вначале даже отшатнулся, так как в причудливом свете метущегося пламени его запылённый вид в набедренной повязке на какую-то секунду показался ему ожившей мумией.

По начертанному жрецом плану в конце круто уходящего вниз двухсотметрового коридора их ожидал зал «тысячи проклятий». Дорогой дядя уже успел объяснить племяннику смысл такого названия. Оказывается, перед тем как покинуть эту своеобразную «приёмную», примыкающую непосредственно к погребальной камере, внутри её на одну ночь собирались жрецы. Они садились в кружок и постепенно доводили себя до неистовства, распаляя в себе чувство отчаяния и ненависти. Затем помещение замуровывалось, а разрушительная энергия оставалась. И когда сюда

проникал человек, на него обрушивался шквал отрицательных эмоций. Люди, либо сходили с ума, либо умирали от безмерного чувства тоски и обречённости. Но в конце своего рассказа дядя не преминул вновь повторить, что всё это лично им не угрожает, так как покровительствующий им жрец обо всём, мол, позаботился. Вход в зал был замурован обычными кирпичами, с которыми они провозились довольно долго. Пока мокрый от пота дядя переводил дух сидя на расстеленной на полу циновке, немного освоившийся во владениях смерти мальчик, преодолевая остатки страха, рискнул на несколько шагов отойти от него. В неровном свете факелов Мад прочёл несколько надписей из огромных текстов полностью — от пола до потолка покрывающие исполинские колонны, поддерживающие скрытый во мраке высокий свод зала. Вначале ему на глаза попала молитва, обращенная к богам с просьбой, чтобы те обеспечили умершего более высокой должностью, чем он занимал в земной жизни. Далее следовало чрезвычайно хвалебное описание службы великого хранителя царской печати с длинным перечнем его прижизненных заслуг. Притом имя героя повествования ни разу не упоминалось, чтобы не поставить его обладателя под угрозу магического проклятия. Рассматривая рисунки к текстам, мальчик уважительно подумал, что такой важный

человек уж точно достоин занять в загробном мире самое почётное место в окружении своего фараона, который (опять же по тексту) уже на земле был сыном великого бога Осириса, а после смерти должен был стать ещё более могущественным божеством. А потом Мад вдруг наткнулся на проклятия самого хозяина гробницы, который грозил незваным гостям наслать на них опасных животных, которые будут неотступно преследовать расхитителей его гробницы; и даже самолично свернуть подлым ворами шею и вырвать их поганые глаза и сердца. Воображение тут же дорисовало жуткий образ ожившего двойника покойника — безжалостного Ка, запустившего свою костлявую длань в его плоть. Мад даже на секунду действительно почудилось, что невидимая мстительная рука вонзилась ему в грудь и сжала сердце, отчего то затрепетало, словно пойманная маленькая птичка. Дышать сразу стало тяжело, и мальчик поспешил сорвать с лица охранительную маску, чтобы вздохнуть поглубже. Нос и горло сразу наполнил затхлый, чуть горьковатый запах застойной атмосферы. Мад тут же вспомнил о предупреждении дяди постоянно находиться рядом с ним, и испуганно озираясь, поспешил укрыться за его надёжной спиной. Тем временем, «Хромой», не спеша, готовился к проникновению в погребальную камеру. Для этого он уже очертил вокруг себя

специальным ножом из слоновой кости большой охранительный круг и в аккуратном порядке разложил перед собой данные ему жрецом амулеты для заклинания злых духов. Неожиданно его озабоченный взгляд упал на лицо ассистента и брови мужчины изумлённо поползли вверх, одновременно его глаза округлились в крайнем удивлении и ужасе.

— Зачем ты сорвал повязку, несчастный! О горе мне!! Как давно ты сделал это, неразумный глупец!!!

— Только что, мне стало трудно дышать — растерянно стал оправдываться мальчик.

— Молись, чтобы вскоре ты совсем не перестал дышать, глупец! Немедленно замотай лицо снова, если уже не поздно это сделать!!! Разве ты забыл слова великого жреца, что стены тут дышат ядом! Молись, чтобы у тебя сейчас же не началась лихорадка и кровь не устремилась наружу из всех отверстий твоего тела — это верный признак того, что мумия уже не выпустит тебя из своих владений! Уходя отсюда, жрецы жгли здесь особые ядовитые факелы, так что со временем убийственные газы только лучше настоялись, загустели и отлично пропитали здешнюю атмосферу. Уже после колодца стало опасно дышать обычным способом, так как стены здесь намазаны особыми составами и «дышат смертью».

В тайных нишах растут грибки, чьи семена любят прорасти в теле человека, превращая его лёгкие в кровавые клочья, которые он отхаркивает в течение следующих нескольких дней... Но как ты себя чувствуешь?

— Я ни ощущаю ничего такого — болезненно прислушиваясь к себе, пролепетал мальчик. Кажется ему действительно повезло, и за те несколько минут, что он был без защиты, яды не успели в достаточном количестве проникнуть внутрь него.

— Хорошо — задержав на Маде долгий оценивающий взгляд, наконец, с изрядной долей сомнения произнёс «Хромой». — Надеюсь, что боги всё же благоволят тебе, а иначе ты бы уже корчился здесь в предсмертных судорогах.

Более не теряя времени, он уселся в центре защитного круга и приступил к чтению заклинаний. На протяжении всего этого времени Мад с опаской поглядывал из-за его плеча на охранную печать и тревожно вслушивался, не донесутся ли подозрительные звуки из-за стены, которая отделяла их от погребальной камеры. К его огромному облегчению, ни грозный Ка, ни кто иной из местных чудовищ так не пожаловал к ним. Даже тогда, когда «Хромой» выложил перед защищающей гробницу печатью приманку из перемешанного с мёдом навоза, не один из

ожидаемых монстров в образе льва с головой крокодила, страшного пса Ануда или гигантского кота с горящими яростью глазами и острыми стальными когтями так и не прибежал, соблазнённый её «убийственным» ароматом. Наконец, необходимая церемония была закончена и они в полной уверенности в собственной безнаказанности стали проделывать брешь, чтобы проникнуть в погребальную камеру. При этом дядя вновь с самодовольной хвастливой усмешкой сообщил достойному слушателю в лице своего племянника, что знает, как проникнуть в гробницу другой галереей, где не потребовалось бы проламывать стены. Вот только ему искренне будет жаль того простачка, который воспользуется лёгкой дорогой, так как она оборудована тайными падающими дверьми, которые в одно мгновение превратят короткий отрезок галереи в тесный склеп, из которого выбраться будет невозможно.

* * *

Сама гробница состояла из нескольких помещений. Проникнув в неё, они первым делом хорошо осветили все комнаты припасёнными специально для этого факелами. В одной комнате было сложно ступить от обилия сокровищ и разного бытового скарба, которым заботливые

родственники щедро снабдили покойника, чтобы он ни в чём не нуждался в пути. Здесь были и драгоценные украшения, и дорогое оружие; в чудесных сосудах из прозрачного алебастра хранились душистые мази и благовония. Многочисленные сундуки были забиты одеждой и обувью. У стены теснились деревянные короба с жареными гусями и бысьими окороками, высокие кувшины с вином и пивом, чтобы в пути на суд богов усталый путник и его верная подруга могли передохнуть и хорошо подкрепиться. Впрочем, им не надо было добираться до неба пешком, ведь они и в жизни были не привычны пользоваться собственными ногами. Специально для необременительного путешествия в отдельной комнате была установлена добротная колесница, запряжённая искусно выполненными мумиями коней. Вообще, мумии домашних животных — собак, кошек, ловчих птиц были повсюду. Так же вокруг много было глиняных фигурок слуг, которые должны были выполнять любые прихоти своих хозяев в загробном мире.

В другой маленькой комнате стояла статуя покойника и его жены. Супруги, созданные искусным резчиком в полный рост, чинно восседали на мраморном постаменте в виде трона. Стены всех комнат, включая их потолки, сплошь покрывали яркие картинки, живописующие

подробности жизни лежащего здесь мертвеца. Живость и тонкость рисунков поражала. В самом большом помещении на высоком постаменте из белого мрамора были установлены два саркофага — один гигантский из гранита, великолепно украшенный, другой — деревянный значительно меньше и скромнее первого. Изображённое на крышке большого саркофага мужское лицо было обрамлено особым убором из перьев хищных птиц, что подчёркивало его особый привилегированный статус. Лик красивой женщины на соседнем саркофаге был выписан без всяких дополнительных украшений. Дядя пояснил Маду, что данные изображения являются копиями лиц умерших, чтобы в загробном мире они могли без труда узнать обиталища собственных тел. На обоих саркофагах имелись многочисленные надписи, желающие покойникам процветания после смерти. В центре большого саркофага также был изображён развёрнутый штандарт бога Осириса. Над штандартом парил сокол, увенчанный солнечным диском — солнечный бог Ра-Хорахте, спускающийся ночью в загробный мир, чтобы принести свет лицам праведных покойников, и предохраняющий их тела и души от разрушения. Здесь же можно было прочесть заклинания, в которых от имени покойного чиновника, возносились молитвы Осирису, покровителю всех

умерших, дарующему победу над смертью. На всё это ослепительное зрелище дядя Мада глубокомысленно заметил:

— Смерть ужасна только тогда, когда покойника не ждет достойное погребение, позволяющее душе вновь соединиться с телом; она ужасна для рабов и нищих, чей прах просто заворачивают в баранью шкуру и зарывают, где придётся, вопреки всем правилам священной «Книги мёртвых. И только любимый богами египтянин может рассчитывать на вечную жизнь, потому что его тело сохраняется нетленным. Вот достойная цель для жизни — скопить достаточно денег, чтобы с твоим телом обошлись уважительно, и твои благодарные потомки регулярно приносили бы тебе жертвоприношения. И не только во время редких пиров мёртвых в день поминовения всех усопших, а каждый третий день. Тогда твоей душе будет всегда хорошо. Конечно, на такую гробницу, как у этого уважаемого мною человека я не рассчитываю, на храм с обелисками тоже, но на дорогое бальзамирование и просторную пещеру в тайных скалах я претендовать хочу. Надеюсь, мой мальчик, ты позаботишься обо мне после смерти. А я передам тебе в наследство всё, чем владею, а главное личные заклинания. Когда смерть настигнет меня, возьми свиток, который я всегда ношу на теле, в нём большая сила. Если же за мою

доброту ты отплатишь мне чёрной неблагодарностью, то знай, ветры принесут к тебе мой озлобленный дух, и тогда берегись!

* * *

Пока дядя деловито осматривал окружающие их сокровища, выбирая наиболее ценные предметы, Мад заморожено ходил вокруг обиталищ мумий. В какой-то момент учитель заметил этот его интерес, и, жертвуя драгоценным временем, тем не менее, решил уделить несколько минут на обучение своего ученика.

— В нашем деле мелочей нет, так что тебе полезно это знать. Сама мумия лежит во втором или в третьем гробу — обстоятельно пояснял «Хромой». — На дне этого гроба имеется большое изображение богини Исиды, богини войны и одновременно великой защитницы умерших.

— А что такое мумия, Несер? — постоянно помня о наказе дяди называть его вымышленным именем, чтобы мумия не могла его потом узнать и отомстить, поинтересовался подросток.

— Когда-то очень давно, когда я был таким же мальчиком, как ты, отец отдал меня в обучение к бальзамировщику, так что этот предмет я знаю очень хорошо. Я расскажу тебе о богатой бальзамировке, так как процедура для бедных даже

не стоит моих слов. Итак, умершего приносят в специальное помещение для бальзамирования. Вокруг клубится дым специальных благовоний и всё готово для начала священнодействия. Труп кладут на пол, и к нему приближается особый человек, который называется начертателем знака. На левом боку тела он намечает место, где должен проходить разрез. Затем подходит другой человек в маске, и эфиопским камнем делает на трупе разрез, после чего немедленно обращается в бегство, так как по обычаю все с проклятиями бросают в него камнями — никто не может безнаказанно приносить вред телу умершего! После этого с трупом начинают заниматься бальзамировщики. Они удаляют покойнику мозг. Его вытаскивают железными крючьями через ноздри. Оставшийся в черепе мозг растворяют впрыскиванием различных сильных снадобий. Через рану в боку вынимаются внутренности, которые обмываются пальмовым вином и благовонными составами. Потом их заворачивают в тонкую льняную материю и вкладывают в специальные сосуды, сделанные из глины, алебаstra или порфира. Крышки сосудов делаются в виде различных голов богов-хранителей. Все эти сосуды-канопы потом помещаются в гробницу и только сердце оставляют в теле, как вместилище Ка. После этого тело в течение 70 дней выдерживают в ванне, заполненной

особым раствором, чтобы удалить из него всю влагу. Затем его тщательно промывают пальмовым вином, просушивают, натирают специальными маслами, щедро посыпают благовониями, и заполняли изнутри ароматическими смолами, предохраняющими от гниения. Затем тело вновь помещают в особый раствор ещё на 20 дней; после чего, ещё раз наполняют ароматическими веществами; разрез на боку трупа зашивают и передают подготовленное тело специальным одевальщикам, которые наряжают и всячески украшают его. Важным вельможам принято золотить ногти на руках и ногах, вставлять глаза из хрусталя или драгоценных камней. Лицо покрывают или драгоценной маской или целым куском полотна. Пальцы рук и ног покойника обычно унизывают десятками колец и перстней. Всё это время жрецы во главе с человеком, наряженным Анубисом — богом бальзамирования, читают особые заклинания, благословляющие мумию. Затем на покойника надевают особую рубаху, которая зашнуровывается сзади. Нарядив таким образом умершего, одевальщики покрывают всё тело слоем клея и начинают обматывать его тонкими льняными бинтами, вымоченными в смоле и в особых маслах; тщательно и туго обматывая пальцы рук и ног, после чего прибинтовывают их к телу. Всё делается так, чтобы как можно лучше

передать формы тела. Пеленание происходит помногу раз, так что длина использованных бинтов составляет не одну сотню шагов. Между бинтами вкладываются волшебные амулеты. С их помощью дух умершего беспрепятственно перемещается в загробный мир и уничтожает всех своих врагов. Помню, на одном из амулетов была помещена такая магическая формула: «Пусть смерть своими крылами погубит того, кто посмеет нарушить мой покой!». После пеленания мумия ещё раз густо посыпается раствором соды, чтобы отпугнуть насекомых. В день погребения набальзамированное тело торжественно укладывается в саркофаг, который ставят на особые полозья, украшенные богатой резьбой и росписью, и с торжественными церемониями под вопли профессиональных плакальщиц и наложниц провожают до заупокойного храма, где все прощаются с умершим. В самую тайную гробницу мумию доставляют глубокой ночью немногие посвящённые жрецы. Так провожают достойных людей!.. Я обещал тебе не упоминать о дешёвом способе, но не сдержу своего обещания, чтобы ты, мальчик мой, имел представление о том, как непочтительно поступают с телами тех, кто не может оплатить работу хорошего бальзамировщика. В тело менее уважаемого мертвеца просто вводят едкие растворы, а потом растворённые внутренние

органы откачивают наружу. Обработка грубыми растворами чрезвычайно уродует тело: щёки проваливаются, мышцы исчезают. Помню, мой учитель постоянно экспериментировал на «дешёвых» мертвецах — искал способы восстановления приличного вида подпорченным трупам, чтобы родственники богатых клиентов могли проститься с хорошо выглядящим телом. Чего только он не использовал! Для того чтобы придать объём утончившимся тканям, применял опилки, жиры — взрывчатую смесь, от которой кожа покойника иногда вспучивалась и трескалась. Накладывал особую пудру, даже пробовал вводить под кожу подпорченных мертвецов особые составы, приготовленные из желёз животных. Я так подозреваю, что уж на него то у многих ушедших в царство Осириса точно большая обида имеется; и старому грешнику наверняка не сладко придётся, когда на загробном суде его спросят за все его делишки. Не хочу предрекать ему несчастье, но видимо чудовище Аммит, восседающее на суде позади трона Осириса всё же сожрёт его душу, как не прошедшую испытание на весах добрых и злых дел. Уж я то знаю, что мёртвого человека надо при любых обстоятельствах уважать и бояться. Если бы я этого не знал и не следовал правилам, мои небесные покровители уже давно бы отвернулись от меня, и сделали так, чтобы однажды солдаты из

патруля поймали того, кого безуспешно ищут уже много лет. Впрочем, — опомнившись и боязливо поглядывая на каменный саркофаг, поспешил поправиться «Хромой» — речь не обо мне, Дам, а о тех презренных грабителях мёртвых, которых мы с тобой искренне презираем! А ты знаешь, мальчик мой, что ожидает презренных людей, грабящих гробницы священных мертвецов, случись им живьем попасть в руки людей фараона?

В это время Мад, внимательно слушающий своего учителя, обратил внимание на огромное количество окружающих его изображений жука-скарабея, и тут же нетерпеливо поинтересовался, что означает этот знак.

— Я не жрец, и не могу всё знать, — не слишком довольный тем, что его так бесцеремонно перебили, проворчал «Хромой», но всё же ответил, — но слышал, что скарабей является воплощением энергии солнца — символом вечной жизни. Кроме того, я слышал — тут дядя Мада понизил голос и вновь боязливо покосился в сторону саркофагов, — что во время церемонии вечного проклятия полчища этих насекомых напускают в гроб грешника и замуровывают их там, чтобы насекомые годами медленно пожирали плоть проклятого. Вообще же участь пойманного расхитителя гробниц ужасна. Из него делают «живую мумию»: ловкие люди вынимают из тела

преступника некоторые органы, но так чтобы он ещё был живой. Потом его туго пеленают и укладывают в гроб. Всё это время жрецы читают над злодеем заклинания, чтобы его мучения продолжались вечно, а его душа Ба никогда не могла бы вырваться на свободу. Потом гроб относят в особое проклятое место и навечно закапывают там. Более страшной участи для человека быть не может!

* * *

Пока дядя Мада энергично заворачивал в принесённые ими с собой покрывала самые ценные предметы усыпальницы, Мад, вольготно расположившись на великолепном кедровом ложе, увлечённо рассматривал прекрасный рисунок на стене, повествующий о том, как покоящийся здесь мертвец, вернее его вечная душа пересекает реку смерти на большой красивой лодке, маленькую копию которой мальчик видел среди всяческого скарба в соседней комнате. После этого царский чиновник вместе с женой начинает наслаждаться в стране, похожей на Египет, но свободный от малейших забот. В наглядном рассказе говорилось, что урожаи там всегда богаты, что никто, даже рабы не знают там голода, а тенистые сады дают много прохлады. «Вот бы когда-нибудь попасть

туда!» — с завистью подумал мальчик, и твёрдо решил, что сделает всё, чтобы его когда-нибудь его собственная смерть была обставлена по всем правилам, гарантирующим лёгкое путешествие в вожделенную страну.

— Нам пора — тихо позвал его дядя. Мад взвалил на себя тюк поменьше, и стал дожидаться, пока дядя первым пролезет в пролом, чтобы вслед за ним покинуть погребальную камеру. Но объёмистая поклажа не позволила мальчику сразу же протиснуться в узкий лаз. Поэтому вначале он передал тюк в руки дяди и уже собирался вылезти сам, но тут послышался звук глухого удара. Дядя коротко вскрикнул и свет его факела сразу погас. Когда перепуганный подросток, наконец, выбрался из усыпальницы, то его глазам предстала ужасная картина: дядя лежал на земле в неудобной позе на боку, подвернув под себя ноги, вся правая часть его лица была залита кровью. Он уже не дышал. Рядом с поверженным телом лежал тяжёлый камень с острыми краями. Похоже, он свалился на голову несчастного откуда-то сверху. Но что могло стать причиной его падения, ведь когда они крушили стену, всё обошлось? Мад оглянулся на виднеющиеся в пробоине лаза саркофаги. Неужели, мумия, не смотря на все уловки дяди, всё-таки разоблачила их, и решила покарать одного за другим?! Но тогда ему уже ни за что не выбраться

отсюда! Одинокого мальчика обступала зловещая тишина, только слабо потрескивали догорающие факелы позади в гробнице и тот, что был в его руке. Надо было хотя бы попытаться спасти свою жизнь, но Маду казалось, что как только он нарушит тишину, слепое Ка, начавшей мстить мумии тут же услышит его и разорвёт в клочья. Тут же, словно в подтверждение этой мысли, где-то совсем рядом и вправду раздался странный звук, который можно было принять за осторожные крадущиеся шаги. Слезы жалости к себе и к последнему родному ему человеку беззвучно текли по щекам мальчика, но он даже боялся их вытереть, чтобы не выдать себя шелестом одежды. Если бы в эту минуту жуткий Ка возник перед ним, то жертва даже не попыталась бы оказать сопротивления, а только молила о скорой смерти. Тем временем факел в его руке не мог гореть вечно, надо было на что-то решаться. Наконец, схватив свой тюк, мальчик во все лопатки бросился через зал по галерее. Страх обнаружить за спиной ужасного преследователя заставлял его нестись без оглядки так быстро, как он никогда до этого не бегал. Но тут Мад неожиданно вспомнил о недавних словах дяди, и его охватило жаркое чувство стыда. Он остановился и долго стоял, вглядываясь вглубь коридора. Как не жутко ему было возвращаться, но ему пришлось заставить себя это сделать. Вначале он нашёл на уже

успевшем остыть труп свиток с бесценными формулами, потом долго пытался поднять его с земли, когда же это, наконец, ему удалось, то после первых шагов мальчику показалось, что он не сможет пройти с такой непомерной тяжестью даже до конца галереи. И тем не менее, Мад твёрдо решил, что не оставит дядю мумии...

* * *

На свежий воздух он выбрался на закате абсолютно обессиленным. Ожидающий их возвращения жрец уже давно потерял терпение и готовился преподать хороший урок мерзавцам, заставляющим его так долго ждать, но, увидев хрупкого мальчика шатающегося под тяжестью мёртвого тела, только недовольно поинтересовался, почему тот вынес всего один свёрток из обещанных ему «Хромым» шести? На что Мад ответил, что остальное он спрятал недалеко от выхода из гробницы, но вначале пусть уважаемый жрец поможет отправить тело его дяди к хорошему бальзамировщику.

— А ты мне нравишься — после некоторого раздумья сменил гнев на милость старик. — Пусть будет по-твоему. Надеюсь, твой покойный дядя передал тебе все свои знания и умения, и ты сможешь заменить мне его?

— Я буду счастлив такой чести, уважаемый, — почтительно, но с достоинством ответил Мад, и прикоснулся рукой к тому месту под одеждой, где у него был спрятан дядин свиток...

Часть вторая

Проклятие фараонов

Ответственное задание

...День выдался типично лондонским: серым, туманным и ужасно холодным. Легко одетого молодого человека подгоняла мысль о знакомом до мелочей уютном зале с камином, лицами друзей и традиционными угощениями к пятичасовому чаю. Почти бегом, чтобы окончательно не превратится в сосульку, он пересёк Сент-Джеймскую площадь. При этом молодой человек бросил привычный взгляд на памятник победителям в крымской войне, по легенде якобы отлитый из трофейных русских пушек с грозных севастопольских бастионов. Впрочем, все его мысли были устремлены к, словно выросшему перед ним посреди главной лондонской улицы Пиккадилли-стрит, помпезному зданию, выстроенному в стиле неоклассицизма. Здесь за высокой оградой размещался элитарный клуб

«Атенеум», членом которого данный молодой человек имел честь состоять. Звали юношу Уильямом Бартоном, уже полгода, как он выпустился из Кембриджского университета и пробовал себя в журналистике в качестве стажёра спортивного раздела газеты «Таймс».

У величественных ворот с позолоченным гербом британской империи Бартона встретил чрезвычайно важного вида швейцар в сверкающем золотым шитьём пальто-мундире с «адмиральскими» галунами на рукавах и в высоком цилиндре. Критическим взглядом он осмотрел демократичный твидовый костюм, явившегося сюда прямо из редакции молодого человека и вежливо предупредил:

— Простите, сэр, но позволю себе напомнить вам, что наступает вечер — это означало, что этикет требовал от гостей приходить после шести вечера в вечерних смокингах.

— Я знаю, Шон, — весело ответил Бартон, — обещаю: я долго не задержусь в «логове» — ровно без пяти минут шесть меня уже здесь не будет.

— Нисколько не сомневаюсь в вашем слове, сэр — с большим чувством собственного достоинства кивнул швейцар. Парковой дорожкой привратник повёл запоздавшего гостя к входу в здание со скульптурой богини Афины над портиком. По дороге Уильям, только недавно

вырвавшийся на волю из тюрьмы под названием университет, с удовольствием подумал, что пожелай он прямо сейчас сойти с дорожки на травку, то даже этот суровый швейцар не посмеет ему и слова сказать. Он даже может улечься на траву, и сопровождающий его архангел будет просто терпеливо ждать, стоя над ним с постным выражением лица. Словом — свобода! Жизнь в Кембридже состояла из одних условностей, исторических традиций и разных глупых запретов. Например, студентам даже в летнюю жару необходимо было присутствовать на лекциях только в мантиях. Бывали даже случаи, когда и студенты, и профессора, вынужденные на протяжении нескольких часов париться в толстых длинных декоративных одеяниях, теряли сознание. Или чего стояли невыносимо длинные ежедневные совместные обеды, проходящие в старинных высоких залах, при свечах, со столами, уставленными музейной утварью. На таких мероприятиях под постоянными критическими взглядами воспитателей даже еда превращалась в экзамен по этикету и в конечном итоге в изощрённейшую из пыток. А прекрасные зелёные лужайки Кембриджа! Их имели право топтать только те, кто принадлежал к привилегированной категории профессорского корпуса. И не дай бог, какому-нибудь замечтавшемуся школяру ступить